

ПРОЗА

В пойме

Заяц, уши торчком, несётся в свете фар, словно соревнуется с «Нивой Шевроле», и выпущенный из световой дорожки, сбегает в сторону, наверняка в восторге, - какой я скорый! - не догнали. Косясь на чужаков, пересёк дорогу енот, из кустов блеснул хитрый глаз лисицы. Слева и справа взлетают стайки чибисов. А над бескрайним горизонтом готовится к торжественному восшествию царь природы – солнце.

Вот она – пойма! Куда ни глянь – степь с гребешками деревьев вдоль ериков. Камыши, выгоревшая трава, клочки зелени. Узкой полоской на горизонте синевато-пепельные, густые, словно скатавшаяся шерсть барашка, облака, крашенные переспевшей малиной. Лёгкий прохладный туман и - джинсы мокры от росы.

Вдоль полоски узкого озерца, на несколько километров петляющего по пойме и наполненного весенней волжской водицей, приземистые ивы с прилепившимися к бокам остатками дряхлых усохших стволов. Безветрие и тишь. Только откуда-то издалека - мелкоголосье певчей братии.

С солнцем округа оживает. В мелких протоках гоняют мальков и лягушат чёрные вьюны – гадюки. На водоёме, в его широком разливе тусуются мелкие утки и чайки и кудахчут, хлопают крыльями и повизгивают в эмоциональных птичьих спорах. Пара молчаливых белых уток, необременённых заботой о корме неспешно проплывает мимо: туда-сюда, словно прогуливаясь. Плеснёт в водной зыби хищник, нет-нет засвиристит лягушка и сиганёт с затенённой полузатопленной коряги, испугавшись щуки. Закаркает ворона, заорут фазаны.

Становится жарко. Поднимается порывистый ветер и шуршит узким крепким и сухим ивовым листом и ветками, будто парильщик в бане рубит горячий воздух.

Крупные краснопёрки, ошалевшие от ветра и приближения осени жадно набрасываются на солдатский деликатес - перловку - и сразу парами на два крючка - и попавшиеся, вытаращив недоумённые глаза, попадают в садок. Жалко их таскать одну за другой - и надоедливо. Куда приятней полежать на тёплой послеполуденной земле, согретой высоким солнцем, под голубым, голубым прозрачным, лишь в небольших помутнениях по краям, бездонным небом и таять взглядом в его бесконечности.

Пролетают мимо озадаченные птицы: то цапля, вытянув лапки, то бакланы с чёрными полосами на крыльях, то утки - парами и вереницами.

Вся природа в заботе: солнце - о тепле, корни - о листьях, рыба - о жирке на зиму.

И всё это в умиротворительном балансе, в котором и намёка нет на подлость, зависть и войну.

Говорят, что даже лисы, оказавшиеся на островах во время весеннего половодья не душат зайцев - соседей по несчастью.

Природа при неизбежных коллизиях рациональна, добра и бережлива.

СТИХИ

Ясень

Увядший ясень, дерево моё,
от засухи сгоревший без дождей.
Судьба отвесит каждому своё,
нежданная, нагрянув в судный день.
Пожары чувств - способны сжечь до тла

нас,
как неумолимая жара
в краю степей несчастные деревья,
и наша жизнь превратностей полна.
Когда судьба без стука лезет в двери,
надежда только на весну опять –
но надо в передрягах устоять
судьбе наперекор,
в спасенье веря!

Октябрьская берёзка на Волгодонской улице

Не от вина
она
хмельного
раскраснелась,
и не пьянящей
она страстью воспылала,
заполонила моё сердце
статью белой
в ажуре яркой виноградной
шали алой.
Она лозою в спелых ягодках увита -
берёзка тонкая
а с нею вязов свита,
в зелёном бархате
в начале октября,
застёжки золотом
на ментиках горят.
Она плащом
укрыта
из кленовых веток
от пыльной бури
и назойливого ветра.
В короне солнечной,
ну, чем не королева?
И не кончается
её шальное лето...

Кошки в Волжском

Здесь даже те, кто не богат
заботится о кошках
и покупает Kitekat
бездомным кошкам
в Волжском.
А на центральной площади

за памятником Ленину
на лавочке железной
сидит учёный кот,
он симпатичен очень,
из стали крепкой сделанный,
и вроде бесполезный,
но радуется народ.
И смотрит в спину Ильичу,
и уважения ничуть:
«Зачем его на пьедестал? -
ведь он бы их кормить не стал!»

Город оттепели

Я знаю город будет,
Я знаю саду цвезть...
В.Маяковский

Посв. Фёдору Георгиевичу Логинову

Наш Волжский – юбиляр – а он не стар,
хотя ему давно уж за полста.
Ещё он не родился, а тогда
в Заволжье привозили поезда
не струсивших отправиться сюда
в глухую степь, где пыль да пустота,
чтоб строить:
ГЭС,
чтоб удивился мир
опять в который раз, какие мы! -
советской экономики мотор -
и город,
чем гордимся до сих пор.
Начальник стройки был суров и строг,
но видел далеко, что впереди
и оттепели каменный цветок,
райком тараня, рядом посадил.
Бассейн и стадион в пятидесятых,
дворец под стать Москве – невероятно!
А чудо-парк, а скверы и аллеи
в краю степей, жары и суховея!
Он был энтузиаст и за собою
повёл народ,
большой и человечный
он твёрдо знал, что есть на свете вещи
куда важнее, чем Звезда Героя.
Ему на въезде в город бюст поставлен,
и в память школу с улицей назвали,

а меньше сделал он для нас едва ли,
чем вождь, что в центре стал на пьедестале.

Пехота, ногтями изрывшая землю

Жизнь дает только Бог, а отнимает всякая гадина.
Виктор Астафьев

Пехота, ногтями изрывшая землю,
собой закрывая вражеский дот
одним к амбразуре метнувшимся телом
и сотнями тысяч прорвавшийся фронт,
прикрытая богом надёжней, чем каской,
слаба перед пулей, но духом сильна,
пропахшая лихом, пропащая каста,
потери твои не считала война!
Была ты, и танком, и пушкой для Ставки,
щитом для комдивов – твой час был суров:
сто грамм - и вперёд, в лобовые атаки
без артподготовки и без ястребков...
Под небом, где в чёрных крестах самолёты,
на взрытой земле без могил и крестов
в пилотках со звёздами русские роты
лежали недвижно меж спелых хлебов.
А немцы убитых своих не бросали.
А мы? – память горестных лет берегут
болота под Вязьмой, смоленские дали,
да волны на волжском крутом берегу...
И не отыскать уж такого героя,
который бы выжил на передовой
в бездарных атаках от двадцать второго
до первых победных боёв под Москвой...
Эх, если бы наши пропавшие деды
услышать могли в свой трагический час
как души погибших в Параде победы,
войну проклиная, ура прокричат!

Трофимов Александр Сергеевич